

Телепередача «Главная роль»

Дмитрий Хворостовский

Телеведущий Юлиан Макаров

2012, Россия

<http://www.youtube.com/watch?v=c7YwSsAsPzw>

Приветствую вас, друзья. Сегодня в «Главной роли» Дмитрий Хворостовский.

– Приветствую Вас, Дмитрий.

– Здравствуйте.

– Вы завершили этот год выступлениями в разных городах России. Обычно для таких туров выбирается программа апробированная – уже всё понятно, всё известно. Почему Вы решили разнообразить выступление?

– Прежде всего, чтобы самому получить определённое удовольствие. Пение одной и

той же программы не всегда, в принципе, хорошо для... не только для различных точек России, но и для самого артиста. Поэтому... тем более, что, в принципе, цели и задачи немножко разные. Есть какие-то программы, такие чисто филармонические, где я исполняю камерную музыку, под рояль. Там, соответственно звучит камерная программа. Есть программы такие, которые поются в больших концертных залах, которые не всегда с хорошей акустикой.

– **Там оркестр.**

– Там оркестр, и там бывают даже микрофоны, потому что, бывает, что приходится петь даже на стадионах. И там я обычно совмещаю и классику, то есть я исполняю какие-то оперные арии, и программу более популярную, допустим, старинные русские романсы, какие-то песни и так далее. В программу «Хворостовский и друзья», естественно, я приглашаю

Марчелло Джордани – моего итальянского коллегу-тенора и, естественно, мы с ним будем исполнять большие сцены, оперные арии. Также в этой программе участвуют победители конкурса «Я талант», то есть молодые исполнители и в Москве, и в Петербурге. Так что это очень интересная и разнообразная программа.

– А вот камерная программа, собственно такая лакмусовая бумажка, по которой многие ценители и знатоки оперной музыки ставят оценки, ну... внутренне, конечно, насколько человек владеет залом. Потому что здесь нет никаких ширмочек, никаких прикрывашечек, которые могли бы замаскировать умение, неумение, растерянность, подготовленность и так далее. Многие категорически отвергают такого рода выступления после экзаменов. Вот закончилась консерватория и всё, не дай бог остаться один на один с таким

залом. Что будет звучать вот на этих камерных концертах? Тем более, я подозреваю, что аккомпаниатором у Вас будет Ивари Илья – это замечательный совершенно пианист, музыкант из Эстонии, да?

– Ну, прикрывшечек-то, в принципе, нет ни в какой программе, ни в камерной, ни в не камерной. Всё равно ты на сцене «гол, как сокол». Вот тут тебе и «карты в руки», и нужно показывать себя и то, что ты чувствуешь, и знаешь, и как-то переживаешь.

– Я имею в виду, когда в опере можно отвернуться, зайти на секунду в кулисы. Здесь чёрное пространство сцены.

– Концерт есть концерт и, конечно, это большое испытание для... ну, не концертных певцов, допустим. Но я давно уже себя ощущаю достаточно комфортно на

концертной сцене и на оперной сцене. Вот тут мне и «карты в руки».

– А программа – это будет музыка камерная, русских композиторов. Это будет Чайковский, Рахманинов – кто это будет?

– В самом последнем выступлении моём, которое даже не совсем афишируется, это будет в Петербурге, в Малом зале. Я просто решил спеть в этом зале, потому что мне этот зал очень дорог, и я в каком-то смысле начал ностальгировать. И уже в течение, по моему, 20-ти лет, я там не бывал. Мне безумно захотелось там спеть. И спеть настоящий камерный концерт с той программой, которую я, в принципе, пою по всему миру. То есть – Форэ, Лист, Танеев и последний выпуск Чайковского. Вот такие композиторы. Это, конечно, не для большой, широкой публики. Но это то, чем я последнее время жил и живу и то, что мне интересно. И нам интересно с Ивари Илья – с

моим коллегой, делать и музицировать на сцене. Вот это будет просто для души.

– А как вы нашли друг друга? Вот известная легендарная история, как, скажем, Елена Васильевна Образцова нашла Вожу Чачава. Вот как вы познакомились?

– Мы познакомились, в общем, по воле Ирины Константиновны Архиповой. Когда она мне просто в приказном порядке сказала, чтобы я ехал на конкурс в Кардифф.

– Это 89-й год.

– В 89-ом году... для того, чтобы...

– Выиграть...

– Вот и предоставила мне работать с Ивари Илья, потому что она в то время с ним очень часто музицировала. И мы с Ивари начали готовиться. Подготовившись к этому конкурсу, где я победил, наши пути совершенно разошлись в разные стороны. И

я ничего не слышал, не видел о нём в течение 15, даже 20-ти лет. И потом, после того, как мы с прежним моим пианистом – Михаилом Аркадьевым, расстались, я стал искать пианиста и, конечно, в первую очередь я вспомнил о Ивари, потому что это как незаконченное дело. Потому что я знаю и помнил всегда, насколько было здорово музицировать с ним. Он настоящий аккомпаниатор, настоящий партнёр. Это человек, который обладает огромными знаниями в камерной музыке, в любой камерной музыке: и в русской, и в западноевропейской.

– Это профессор Таллинской консерватории.

– Это человек, который по-настоящему был мне нужен ещё тогда. Но, в общем, нужен и сейчас. Наши пути опять сошлись и я просто несказанно счастлив нашим тандемом.

– У Вас ещё один опыт в музыкальной жизни – это опыт проведения (он совершенно новый), опыт проведения мастер-классов. Если к Вам приходят, как к Гуру, молодые начинающие, конечно им интересно услышать от Вас какие-то секреты. Вы бы могли сейчас поделиться – удалось ли у них что-то такое узнать, что бы Вам было интересно, совсем нового молодого поколения.

– Секретами в нашем деле никто не обладает и те люди, которые Вам говорят об этом, лгут. Тем более вокальное искусство и пение – вещь очень тёмная, шаманская. О каких-либо Школах пения я тоже не стал бы говорить. Каждый из персонажей, стоящих на сцене, обладающих определённым голосом, определённым комплексом данных – уникальный человек. И с каждым нужно работать абсолютно обособленно и отдельно. Единственное, чем я могу

помогать в своих мастер-классах, которые очень немногочисленные... И я не говорю, что я большой профессионал в этом деле, скорее всего наоборот. Но я стараюсь работать над какими-то концептуальными задачами, стараюсь работать над фразой. Я стараюсь...

– Конкретика, абсолютность...

– Я стараюсь работать над каким-то определённым сценическим поведением, над общими каким-то вещами, как правило, не влезая, и не хочу влезать, вмешиваться в какие-то вокальные школьные дела. Потому что обычно в зале сидят педагоги, которые ведут своих учеников.

– Чтобы не было ревности...

– Нет. Вообще, если человек занимается у педагога, значит он должен у этого педагога и продолжать заниматься и слушать только его. Такое моё убеждение.

– Вот говоря о конкурсах в Вашей жизни. Понятно, что Кардифф сделал мощнейшее драйверское усилие и дальше карьера заладилась. А последующие конкурсы Вам были интересны, какие бы они ни были? Ведь, наверняка, поступали какие-то предложения, или Ваш педагог Ирина Константиновна что-то советовала?

– Нет, нет, Кардифф был последним конкурсом. После Кардиффского конкурса, в буквальном смысле утром следующего дня я проснулся знаменитым. На следующий день мы поехали на поезде в Лондон. И вечером меня привели в Ковент-Гарден на... тогда был «Трубадур» с Пласидо Доминго. Сергей Лейферкус, Федора Барбьери и Эва Мартон пели. И на Пьяцце тогда (в Ковент-Гарден очень часто практикуется)... Есть Пьяцца за театром и там был растянут большой экран, и люди смотрят этот спектакль вживую. Туда примостили меня и половина этих людей,

которые стояли вокруг меня, вдруг все пошли дружно на меня с просьбой сфотографироваться и дать автограф. Я такого не ожидал. В общем, в буквальном смысле проснулся знаменитым, так как этот конкурс был телевизионным. И, с другой стороны, на меня одновременно посыпались предложения с работой и с тех пор вся моя жизнь расписана на 4–5 лет вперед. Поэтому о других конкурсах я уже просто не думал. Уже некогда было думать, надо было работать.

– Цикл Ваших концертов «Хворостовский и друзья» познакомил петербургскую, московскую, российскую публику с Суми Йо, Рене Флеминг... можно продолжать. На этот раз Вы уже сказали о Марчелло Джордани. Вы в Метрополитен Опера познакомились? Он ведь там очень часто солирует и был, по-моему, первым итальянцем, который там спел Ленского.

– С Марчелло мы познакомились гораздо раньше, когда его карьера только начиналась, а моя уже немножко началась в то время – это в 94-ом году. Мы участвовали в очень интересной постановке, такой, как говорят, японской постановке пуритан. Режиссёром был Джон Дью, а дирижировал Пласидо Доминго. Пела знаменитая Груберова.

– **Эдита.**

– Эдита Груберова, Марчелло, Роберто Скандьюци был бас.

– **Замечательная компания.**

– Потрясающая компания. И вообще, постановка была очень красивая и красочная, чёрно-красная такая. Тогда все спектакли «забукивались». «Забукивали» всех подряд, кроме Груберовы. А я к тому времени ещё совсем не знал ничего о том, как это делают на Западе. Я просто не знал,

что... по нашему представлению, когда освистывают. Освистывают – это значит плохо. Меня никто до этого не освистывал и я ничего не знал. Когда я вышел на свой сольный поклон, я услышал: «бу», «буууу». Я думал, что люди «браво» кричат, или что-то такое. Я был очень радостный, выхожу весь такой... Мне говорят: «Ты чё, дурак, смеёшься?»

– А что?

– Это ж тебя забукали!

Я говорю: «А что это такое?»

– Освистали, идиот!

– !?!

– Я готов был провалиться. Но это была каторга, потому что 8 или 9 спектаклей подряд мы пели.

– **Это на выносливость.**

– Вот мы тогда и познакомились с Марчелло. И ещё на этой почве у нас было очень много приятных воспоминаний, потому что мы выходили из этих ситуаций, только смеясь, только с юмором. А он – человек, обладающий потрясающим чувством юмора и настоящий профессионал. То, что вообще он делает на сцене... с ним всегда как-то хорошо ощущаешь себя, вокруг него потрясающая аура всегда.

– Ну, с хорошим юмором человек, конечно.

– И он очень хороший партнёр.

– Марчелло Джордани. Хорошо. Спасибо Вам большое. Я желаю Вам...

– Как? Всё? А поговорить?

– А репетировать надо. Метрополитен Опера – у Вас там «Эрнани» в феврале.

– Слушайте, да. Ну, в общем, «Эрнани» я буду петь впервые. Марчелло-то как раз

профессионал в этом: он много раз пел «Эрнани». Это, конечно, здорово.

– Это очень интересная... в этом смысле американцам больше везёт, потому что у нас я не помню свежей постановки этой оперы. Виктор Гюго, Верди – это его...

– Вообще, шла ли она когда-нибудь?

– Вот я тоже сомневаюсь, что шла. Одна из ранних опер.

– А «Симон Бокканегра» шёл?

– «Симон Бокканегра» идёт, но крайне редко, а вот «Эрнани», по-моему, никогда.

– А в Большом театре он шёл?

– Кстати, о Большом театре. Давайте лучше я Вас спрошу. Вы принимали участие в Гала-концерте, открытии исторической сцены.

На этом пока взаимоотношения

заканчиваются, или есть какие-то

предложения интересные и на будущее?

– Конечно, есть предложения. В общем, они обдумываются и обрабатываются. Поэтому, я думаю, что в скором времени мне придётся там участвовать. Я надеюсь на скорую встречу в Большом театре.

– Я вспомнил строчку одну из «Эрнани», она мне кажется сейчас очень актуальной: «Лишь презренья достойны народы, в чьей груди нет к Отчизне любви». Говорят, что даже итальянцы распевали это на демонстрации.

– Вообще эти хоры, знаменитые из «Эрнани», конечно вполне сравнимы с хорами из «Трубадура», которые распевал народ в своё время.

– Спасибо Вам большое, Дима, спасибо. Всегда буду рад видеть Вас в «Главной роли».

-Спасибо Вам.

Дмитрий Хворостовский сегодня на телеканале «Культура». Спасибо вам, обязательно увидимся, низкий поклон.